

УДК 32:001.891

Ю. Н. Мартынюк

О СООТНОШЕНИИ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО В ПОЛИТИКЕ

Предлагаемая статья рассматривает одну из наиболее сложных проблем современной политической науки. Она затрагивает ее методологические основания. Без того, чтобы разобраться в проблеме соотношения объективного и субъективного как в политической реальности, так и в ее отражении в самой политической науке, трудно продвигаться дальше не только в исследованиях, но и в определении статуса *научности* самой политологии. Мы не ставили перед собой задачи найти окончательные ответы, а только обозначили проблему и возможные пути поиска её решения.

I

Пытаясь осмыслить область политической науки, ее методологические основания и связь с социальной философией, в частности, по вопросу о соотношении субъективного и объективного, политологи и философы увидели необходимость преодоления жесткого объективистского детерминизма в объяснении общественно-политических явлений, который был присущ экономическому материализму. В современных учебных пособиях этой проблеме уделено очень мало внимания. На важность анализа специфики взаимоотношения объективного и субъективного в общественно-политических явлениях было обращено внимание участников программы фонда «Возрождения» – «Мегапроект» симферопольской политологической группы¹.

Каковы общие черты этих отношений?

В обществе объект, объективность особого рода. Она не предопределена такими причинно-следственными связями, как это имеет место у природного объекта. Результат в политике складывается из действий отдельных субъектов, каждый из которых имеет собственные цели, задачи, идеалы. Свобода их действий не есть «осознанная необходимость». Парадоксальность ситуации заключается в том, каким образом проявляется какая-то объективная тенденция, если ее формируют субъекты. В этом случае схема каузальных отношений будет существенно иной, чем это имеет место в объективности природного характера, где результат почти всегда жестко обусловлен.

Обществовед, политолог, философ не могут не удивляться тому, что люди,

стремясь к определенным социальным результатам, достигают их очень редко или вообще не достигают. На эту сторону обратил внимание еще Гегель. Можно говорить об определенной равнодействующей, образуемой как итог воли и действий множества людей, при этом имеет место расхождение результата и поставленных целей. Правда, такая весьма упрощенная схема может характеризовать лишь в целом общественно-политический процесс, в котором принимает участие все общество. Реально же оно состоит как из отдельных личностей-субъектов, так и из субъектов-групп. К тому же люди занимают в обществе различное положение, поэтому говорить о равнодействующей не приходится. Результат всегда будет смещен в сторону тех, кто играет наиболее активную роль. Например, является субъектом политики, а не ее объектом. (Здесь уже субъект и объект взяты в ракурсе, собственно, не методологии, а политики).

С точки зрения субъективного и объективного сам результат оказывается объективным, отчужденным и в этом смысле не зависящим от усилий отдельных субъектов. Но, как мы отметили, объективность тут особого рода, т.к. зависит от субъективного. Это обстоятельство говорит о взаимопроникновении объективного и субъективного в политике, о вероятностном характере такого объективного, об особых их отношениях по сравнению с субъектно-объектными отношениями в природе.

Надо обратить внимание на то, что каждый отдельный субъект здесь не абсолютно свободен в выборе своих поступков, т.к. всегда входит в какую-то группу, например, этническую, образуя особый субъект политической деятельности. И если в регионе несколько этносов, то эти субъекты также преследуют свои интересы, цели, ожидают особых результатов. Но следует помнить, что все их действия детерминированы объективными условиями. Формально и здесь как итог приложения усилий всеми этносами может получиться усредненный результат, реально же в каждой стране, в каждом регионе в конкретной ситуации какой-либо этнос может играть более активную роль, быть субъектом политики, в то время как другие выступают лишь объектами ее.

То же следует сказать об участниках политического процесса – субъектах-партиях, субъектах-классах и т.д. Все они, преследуя субъективные цели, приходят в итоге к объективному результату.

Для личности-субъекта выбор цели частично уже предопределен нормами и правилами той стратификационной группы-субъекта, в которую он входит. Они, регламентируя его субъективные предпочтения, выступают в форме объективного регулятива, каузальности особого рода. Если внутри группового субъекта (этносов, партий...) формально складываются отношения в горизонтальной плоскости, отношения координации, то отношения группа-субъект и личность-субъект строятся по типу субординации. Со стороны группы-субъекта субъектам-личностям заданы объективные условия, но и результат их совместных усилий оказывается, как уже отмечалось, объективным.

Надо сказать, что из стратификационных групп-субъектов складывается сложная система взаимоотношений (между партиями, этносами, классами...), отношений координации их усилий при реализации политических целей. Итогом этого

процесса снова окажется результат, которого не предвидел ни один из этих субъектов. Он снова оказывается объективным итогом.

Но свободны ли в выборе своих субъективных целей стратифицированные субъекты? Они также свою деятельность осуществляют в рамках определенных норм. Нормами, обладающими объективной значимостью, могут выступать положения о партиях, этносах, классах, которые регулируются уже положениями Конституции страны, другими предельно общими концептуальными положениями, вплоть до мировоззренческих установок конкретного общества.

Что касается мировоззрения, то в этом случае можно говорить не только о субъективно-нормативном начале, но и об объективно-каузальном, которое детерминирует поведение субъектов разного уровня общности. Эти начала природные по своей сути, например, такие как географическая среда или антропологические основания деятельности людей.

Итак, каждый высший уровень в иерархии отношений различных субъектов оказывает детерминирующее действие на низший, выступая для последнего в качестве объективных рамок его программ и действий. Деятельность же субъектов низшего ранга общности, хотя и свободна в рамках такой объективности, формирует в итоге определенный объективный результат, который в свою очередь вместе с нормативами этих промежуточных субъектов детерминирует программы и действия субъектов более низкого уровня, например, политические действия конкретных людей.

Но и отдельные индивиды могут вносить изменения в более общие программы. Они могут, минуя промежуточные «детерминанты», выходить непосредственно на мировоззренческие нормы. Они могут при этом подняться над этническими или классовыми детерминантами. Активность также может проявляться по горизонтали (например, при переходе из одной партии в другую), или по вертикали, но уже как бы «снизу вверх» с индивидуального уровня. Другими словами, они способны мыслить и действовать «от имени всего общества», поднимаясь до уровня общих детерминант.

Подобный анализ характера отношений субъективного и объективного в общественно-политических явлениях позволяет понять *природу вероятностных процессов* в них, отчасти преодолевая догматические схемы абсолютной зависимости субъективного от объективных условий, а также крайности фаталистических и волюнтаристских представлений.

Активность субъективного начала в этих процессах проявляется к тому же не обязательно на уровне вождей, парламентов, правительств. Она необходима в качестве обратной связи уже на «нижних этажах», обеспечивая демократические начала жизни общества. Особого внимания заслуживает вообще проблема роли народа в этом процессе, проблема тех регулятивов, которые могли бы обеспечить стабильность общества и участие максимума его членов в политических процессах.

Нивелирование роли субъективного фактора, сознательного по своей сути, оказалось следствием плоских установок о критериальной роли бытия по отношению к сознанию, долгое время бытовавших в социалистическом обществе.

Нельзя утверждать, что в процессе преподавания политических наук в Украине эта неточность сегодня преодолена.

II

Уже в рамках марксизма (в 90-е годы прошлого столетия) было внесено уточнение этих понятий в письмах Блоху, Шмидту, Боргиусу, где Энгельс отмечал возможность политического и правового сознания самостоятельно воздействовать на сферы экономики, общественной жизни, опережая при этом объективный ход событий. Это означало, что роль субъективного фактора может играть решающую роль. Так, собственно, и случилось в России, где сознательное, субъективное начало, вопреки утверждениям официальной идеологии, оказалось ведущим в трансформации общества, которому эти преобразования преподносились идеологами как объективная необходимость.

Нужно отметить, что вся история, увы, это история мятежей, смут и революций, бунтов и войн. Причиной их всегда служили чьи-то субъективные амбиции, мотивы, гипертрофированный интерес, иногда честолюбие или даже искреннее желание достичь «благородной» цели. Часто такими субъектами выступали вождь, нация, класс, партия или целое государство. Когда у субъекта, располагающего достаточными ресурсами, появляется возможность, когда возникает к тому же критическая ситуация в обществе, он обычно стремится реализовать свои планы. Если же что-либо в этих явлениях можно считать закономерным, так это стремление выдать субъективные интересы за объективные, за интересы народа, общепризнанного объекта манипуляций политиков.

В принципе возможности субъективного начала в политике безграничны. Вопрос об истинности тут, кажется, неуместен. Огромное значение приобретает интерес, стремление к благу, потребность, обещание ее удовлетворить и, конечно, вера в реальность обещаний. Это те рычаги, которые приводят в движение почти все слои общества. На них опираются субъекты высших уровней, субъекты политического аппарата, формирующие стратегию и тактику политического процесса, когда субъекты низших уровней выполняют роль объекта.

Почему сегодня в Украине отсутствуют эффективные политические и экономические программы жизнедеятельности общества, а квалифицированное мнение часто подменяется духовной сивухой, суррогатом взглядов и ценностей? На наш взгляд, произошли большие деформации субъектов верхних эшелонов власти и люмпенизация низших.

Выскажем ряд предположений об особенностях формирования субъектов высших уровней, субъектов аппарата.

* * *

Формирование политической науки, ее методологических основ – сегодня это крайне актуальная задача. Ее исполнение зависит в первую очередь от интеллекта и инициативы политологов, социологов и философов. Но большая доля

ответственности лежит и на тех, кто формирует политическую культуру молодежи – ответственность ложится на плечи преподавателей. Показательно, что на заседании «круглого стола» 23 марта 2001 года в Таврическом национальном университете американский профессор П. Слоун констатировал: «Преподаватели Украины очень консервативны, все перемены они считают нежелательными».

И это утверждение не лишено справедливости. Что же способствовало такому положению дел, какие трансформации произошли в обществе? Попытаемся осмыслить ситуацию.

Новая власть после октябрьской революции испытывала необходимость избавиться от того слоя населения, который был ранее собственником средств производства, вообще от остатков буржуазии, зажиточных кулаков, середняков, всех, кто не хотел добровольно расстаться с этими пережитками сломленного строя, т.е. отсев и ограничения шли по признаку собственности. К этой группе вплотную примыкали те, кто встал на защиту «старого строя», т.е. прежде всего это была белая гвардия. Так началась «зачистка» субъектов в основном верхних эшелонов политики.

Еще один тип ограничений субъекта аппарата проводился по мировоззренческому признаку: шла борьба с теми, кто был обвинен в симпатиях или пособничестве идеализму. Это в большой мере коснулось ученых – обществоведов и философов. Политические идеалы того периода привели к частичному уничтожению и репрессиям по отношению к ним. Лучшие философы России, наследие которых по крупицам восстанавливается сегодня, были высланы на «философском пароходе» в 1922 году. В книге «После перерыва. Пути русской философии» С. С. Хоружий перечисляет только известных ему экономистов, философов, социологов, правоведов, профессоров естественных и технических наук, журналистов и литераторов, медиков и религиозных деятелей, высланных тогда из России. Завершая статью «Философский пароход», автор констатирует: «Высылка ученых – нагляднейший образец пресловутой негативной селекции, о которой много размышляют сейчас, пытаюсь постичь истоки и механизм сегодняшней угрожающей деградации общества и человека. Отобрав не преступников, не врагов, а мыслителей собственного народа, властители сажают их на корабль – корабль мудрецов...»

Ограничения в претензии быть субъектом политической жизни коснулись верующих, религиозных людей и особенно служителей церкви. Религия определялась как форма мировоззрения, способствующая угнетению народа, и пособница буржуазных идеалов. Все эти люди попросту мешали прогрессу, в том его понимании, каким оно сложилось в эпоху созидания социализма.

Нормы нового общества и по-новому истолкованного народовластия требовали ограничений и отсева также по принципу партийности. Многие партии и их члены были объявлены реакционными силами – эсеры, меньшевики, кадеты... Кто из них мог участвовать в строительстве нового общества? В то время модными были глобальные чистки в самой партии большевиков, унесшие тысячи жизней.

Ограничения и чистки субъектов политики шли под флагом борьбы с космополитами, национал-шовинистами, с нациями, которые «не внушали доверия»

и подозревались в «предательстве». Это были этнические ограничения демократии. «Линия» проводилась путем выселения народов.

Ко всем перечисленным группам субъектов, изъятых из политического процесса, добавился целый слой самых разных «врагов народа». Были ли они таковыми и не были ли они подлинными представителями его?

Кто же мог теперь последовательно проводить линию на демократизацию? Как тут можно было остаться в политике, в праве, в социальных исследованиях, пройти невредимым сквозь эти ограничения? Ведь объектом чистки становились часто организаторы нестандартных методов стимулирования труда, те, кто «преклонялся перед Западом». Досталось тут и поэтам-тунеядцам, и музыкантам-популистам, и интеллигентам-либералам, но более всего – политикам, военным, обвиненным в шпионаже и оппортунизме.

Кому же удалось тогда избежать репрессий, не угодив за решетку, кто мог «свободно» участвовать в выборах, в дальнейшем развитии общественности, политической науки? В чем особенность этих людей? Именно здесь, как нам кажется, в определенной мере кроется ключ к проблеме состояния всякой общественной науки, в том числе и политической, в пределах советского и постсоветского пространства.

Однако трансформации подверглись не только субъекты, задававшие нормативные параметры всему обществу – партии, нации, классы... Существенные изменения происходили в идеалах, ценностях и деятельности *субъекта политики низшего уровня* того периода.

Его называли в тот период то «низами», то «массаами», то «неимущими» – в отличие от государственного и партийного аппарата и отдельных вождей. Но наиболее распространенным в тот период было понятие «простой человек». Сколько о нем написано статей, стихов, песен... *Это понятие стало теоретической максимой в объяснении особенностей возникшего тогда общества.*

Кого же можно было отнести к разряду простых людей? Инженера, служащего, председателя колхоза, писателя, студента, квалифицированного рабочего, ученого? Но один из них не скажет о себе, что он простой человек. Видимо, не по профессии и квалификации определялась простота. Скорее всего, это был стиль жизни, черта характера, способ общения.

О простом человеке никогда не скажут, что он принципиальный: так ему проще было жить, была открыта дорога в различные инстанции и организации – в той, естественно, мере, в какой он со своей простотой не мешал думать и решать за него. Стоило убрать с глаз идеологические шторы, как за ними просматривается тот, кто умеет, не рассуждая, выполнять все, что бы ни требовали от него. Важно быть при этом «как все», «не быть слишком умным», уметь беспрекословно подчиняться. Голосовали тогда все «единогласно», не оказаться в меньшинстве, не выпасть из «монолитных рядов» означало выжить. Нужно было к тому же показать простому человеку, не особо отличавшемуся компетентностью, что такие же простые люди сидят в правительстве, Верховном Совете, аппарате партии и руководят всей страной.

В духе таких идеалов верхом проявления демократии считалось наличие в

аппарате государства представителей простых людей, самых разных слоев и групп общества. Существовала регламентация на количество и соотношение национальных групп, избираемых мужчин и женщин, молодых и средних лет, колхозников и рабочих, военных и гражданских, членов партии и беспартийных, людей «от станка» и «от сохи»... Чем шире представительство разных слоев, тем демократичнее считались власть и управление. Вывод один: спроса на компетентность ни к избирателю, ни к избираемому не было. Важны были многие отличия, но только не по идеалам, взглядам, подходам – отсюда родилось единомыслие, исключавшее любую нетривиальную идею, отсюда – пресс на инакомыслие.

Цели и методы при такой демократии все более расходились. Декларировалось развитие инициативы и способностей простых людей. На самом же деле эта простота как результат отсева непростых людей была необходима для поддержания избирательной системы тех времен. Вождь, унаследовав авторитет, сам теперь от имени народа действовал, не брезгуя ничем.

Казалось, что ему кто-то угрожал, покушаясь на жизнь учителя и друга всех народов. Он не мог терпеть инакомыслия. Он один «видел далеко», лишь он один последовательно умел «проводить линию». «Простые люди» редко возмущались таким положением, предпочитая молчать. Сложившиеся реальные условия способствовали формированию у «простого советского человека» особой психологии. *Отсутствие глубоких знаний в области общественных наук, политики и права* прикрывалось различными табу и штампами, компенсировалось пренебрежением к интеллектуалам, посвятившим себя тяжкому труду систематического чтения, раздумья, анализа.

Идеал достижения скорейшего результата толкал людей к дилетантизму и серости. При молчаливом одобрении большинства легко было всех «выскачек» обнаружить и изолировать.

«Единица – вздор, единица – ноль», – утверждал поэт. Важнее всего было мнение коллектива, и показатель отсутствия конфликтов с коллективом был обязательным при определении победителей соцсоревнования. А идеалы коллектива были предзаданы.

Постепенно результаты «движения» стали оцениваться не только по «показателям», но и по лояльному отношению к начальству, по умению подчиняться ему. Шел своеобразный социальный отбор, формирующий слой людей – не тех, о которых писали книги, а тех, кто уважал вышестоящих, немного побаивался их (немного завидовал тем, кто достиг успеха), кто жаждал вкусить от пирога спецраспределителей и готов был осудить излишнюю инициативу.

Развивался синдром холопства. Часто по занимаемому посту можно было судить об уровне не столько компетентности, сколько – способности выполнить указания. Произошла инверсия качеств: «быть инициативным» все более означало проявлять инициативу по выполнению чужих указаний, а «быть смелым» – уметь нападать на того, на кого прикажут.

Таков общий фон и информационный простор, в рамках которых взаимодействовали субъекты высших и низших уровней. Высшие задавали будто

бы объективные рамки для активности низших, однако и низшие проявляли свое субъективное начало весьма своеобразно. Они соглашались, отчасти добровольно, поддерживать распределение ролей, предопределенное субъектом политики, проявляя иногда уродливую форму активности, объективно не способствующую достижению ими блага и высоких целей. Однако это вопрос уже о регулятивах политических процессов более высокого уровня - уровня мировоззренческих норм, которые наряду с нормами и целями всей иерархической системы ценностей и действий выступают в качестве предельно общих ориентиров деятельности данного общества.

Примечания

1. См сайт: www.ps.crimea.com

Поступило в редакцию 17 мая 2003 г.